

(вслед за Апелем): выбор против рациональных норм — не просто логическое самопротиворечие, он осуществляется через соответствующий перформативный акт; в этом смысле отказ признавать рациональную аргументацию ведет к саморазрушению человека как осмысленно действующего существа, не идентифицирующего себя с субъектом ответственности. А это значит, что смысл деятельности философии как «хранилища рациональности» сводится к генерированию в социуме пространства тотальной ответственности, где моральная невменяемость субъекта социального действия принципиально невозможна.

- ¹ См.: Философия в современном мире. Философия и наука. М., 1972.
- ² After Philosophy: End or Transformation?/Ed. by K. Bains, J. Bohman and Th. McCarthy. Cambr. (Mass); London, 1987. P. 4.
- ³ См.: K u s p i t D. // Postmodernism: Philosophy and the Arts. New York; London, 1990.
- ⁴ См.: К л и м е н к о в а Т. А. // Проблема истины в современной западной философии науки. М., 1987.
- ⁵ Х а б е р м а с Ю. // Вестн. МГУ. Сер. 7. Философия. М., 1993. № 4. С. 58.
- ⁶ См.: Ю л и н а Н. С. // Современная аналитическая философия. М., 1988. Вып. 1. С. 17.
- ⁷ K u h l m a n W. // Sprachphilosophie: Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. I. Halbband. Berlin; New York, 1992. S. 748.
- ⁸ Ibid. S. 754.
- ⁹ См.: A p e l K.-O. // After Philosophy. P. 262.
- ¹⁰ «Из перспективы участников понимание означает не эмпирическое согласие, а процесс обоюдного убеждения, который координирует действия нескольких участников на основе мотивации через основание» Х а б е р м а с Ю. // Вестн. МГУ. Сер. 7. С. 58.
- ¹¹ H a b e r m a s J. Nachmetaphysisches Denken. Frankfurt a/M., 1988. S. 65.
- ¹² См.: H a b e r m a s J. // After Philosophy. P. 313.
- ¹³ См.: A p e l K.-O. Op. cit. P. 283.
- ¹⁴ См.: H a b e r m a s J. // After Philosophy. P. 314.
- ¹⁵ Деконструкция, которую Деррида противопоставляет интерпретации, стремящейся к расшифровке истины, — это «ницшеанское веселье, то есть утверждение мировой игры и невинности становления, утверждение мира непогрешимых знаков, лишенных истины и истоков, открытых для активной интерпретации...» (Цит. по: В а й н ш т е й н О. В. // Мировое древо. М., 1992. № 1. С. 69—70).
- ¹⁶ См.: K u h l m a n W. Op. cit. S. 760.

Т. Г. РУМЯНЦЕВА

ФРИДРИХ НИЦШЕ И ЕГО ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ

Даже сегодня, 150 лет спустя со дня его рождения, когда ни имя его, ни тем более он сам не представляют уже опасности для человечества в целом и большинства так называемых порядочных людей, оно по-прежнему продолжает не вписываться в классический перечень имен, чьи круглые даты регулярно отмечаются «всеми прогрессивным человечеством».

Проще всего такое отношение можно было бы объяснить действительно очень противоречивым местом этого мыслителя в истории XX в. тем, что по ряду причин вокруг его имени сложился расхожий стереотип как о прародителе идеи фашизма. В самом деле, Гитлер, посетив в 1934 г. Архив Ницше, решил занести имя философа в пантеон своих героических предтеч. При этом забывают, однако, что в том же списке фигурировали имена Лютера и Гете, Бетховена и Вагнера, репутации которых не только не были испорчены, но даже никогда не подвергались сомнению.

Другой причиной, по которой имя Ницше оказалось надолго и несправедливо затабуированным в нашей отечественной литературе, я считаю обнажающую откровенность страшных истин этого мыслителя, как бы предвидевшего, чем может закончиться грандиозный эксперимент века по «измельчению человеческого рода». Провозглашенный же им идеал суверенной, автономной и свободной человеческой личности явно не вписывался в атмосферу тогдашнего тотального коллективизма, как, впрочем, и сам пафос его философии, призывающей к «переоценке всех ценностей».

Думается, что настала пора расставить некоторые акценты относительно как самого учения, так и места этого мыслителя в культурно-историческом процессе.

Ницше принято считать родоначальником философии жизни — течения, в значительной мере определившего основные черты проблематики философии XX столетия, отказавшейся от претензии на завершающее системоосмысление мира и поддержание мифа о единстве этого мира и разума.

В творчестве и личной судьбе Ницше глубоко запечатлелся драматизм переходной эпохи рубежа XIX—XX вв. С одной стороны, он — непосредственный преемник всей западноевропейской философской традиции, а с другой, наверное, первый декадент: даже самая ранняя работа «Рождение трагедии из духа музыки» (1872) сделала его «самым непотребным философом сегодняшнего дня», как писал Ницше в письме к Матильде фон Мейзенбург. В этом произведении мыслитель продемонстрировал высшего класса филологический профессионализм, эрудицию и умение работать с классическими источниками. Однако все эти филологические достоинства его автора можно рассматривать скорее как идеальное средство, с помощью которого от истолкования классических текстов он идет к герменевтике современной ему эпохи. Внешней канвой работы становится здесь противоположность аполлонического (как оптимистически-радостного, логически-членящегося, прекрасного) и донисического (как трагически-оргастического, жизнеопыняющего) начал, через развитие которой прослеживается вся история человечества, в том числе и тогдашней Германии. Есть в книге, однако, и второй ракурс — то, пожалуй, главное, для чего она и была написана, и то, что сам Ницше назвал затем в «Ессе Номо» «проблемой рогатой» — это проблема науки, разума, которая уже здесь, в этой ранней работе рассматривается им как опасная, подрывающая и подменяющая жизнь сила. Только искусство, которое на ранних этапах человеческой эволюции сыграло, по мысли Ницше, первостепенную по сравнению с наукой роль в жизни общества, является полнокровным воплощением и проявлением подлинной жизни, стихийным, ничем не детерминируемым, кроме воли и инстинктов художника, процессом жизнеизлияния. Отсюда и ставшая сакраментальной фраза Ницше, ставшая своеобразным девизом его раннего эстетизма: «Только как эстетический феномен бытие и мир оправданы в вечности»¹. Что же касается современной культуры с ее ориентацией на науку (источки которой он прослеживает, начиная с Сократа), то она оказалась глубоко враждебной жизни, так как опиралась на искусственный, все и вся схематизирующий разум, глубоко чуждый инстинктивной в ее основе жизни. Исходя из такого понимания генезиса культуры, Ницше строит затем всю свою последующую культурологию. В этом смысле «Рождение трагедии» можно без преувеличения назвать своеобразным ключом к расшифровке всего творчества мыслителя — этого «покушения на два тысячелетия противостоительности и человеческого позора». В этой же работе сформулирована и главная проблема всей жизни и философии Ницше, которая найдет затем наиболее полное воплощение в его «Заратустре»: как создать такую культуру, подчиняясь которой человек мог бы облагородить свой внутренний мир и воспитать самого себя; однако на данном этапе его творчества эта проблема облекается в поэтически символическое требование «возрождения трагедии», трагического познания и трагического человека, воплощающих торжество и переизбыток жизни.

Непризнание работы, крах прежних идеалов, резкое обострение бо-лезни — все это заставит его мужественно отказаться от надежды «облагородить когда-либо человечество». Ницше надолго умолкает, отказавшись от роли мессии и отдавая все свои силы изучению наук о человеке («Человеческое, слишком человеческое», 1874; «Утренняя заря», 1881). Пройдет несколько лет, прежде чем он вновь решит «возвратить людям ясность духа, простоту и величие», сформулировав главную положительную задачу своей философии, которая виделась ему в утверждении верховной ценности культурного совершенствования человека, в результате которого появится новый тип людей, превосходящий современников своими моральными и интеллектуальными качествами. В роли такого культурно-этического идеала поэтический ум Ницше выдвигает эстетизированный им и заключенный в художественно законченную форму образ сверхчеловека. Крайне подвижный и восприимчи-

вый его ум не дает ему, однако, возможности осмыслить и довести до конца свою идею, поэтому можно говорить по крайней мере о двух противоречивых ее ракурсах или измерениях:

а) сверхчеловек как возможный и достижимый в перспективах реального будущего идеал всего человечества;

б) сверхчеловек как лирическая фантазия, которую ее создатель творит, пренебрегая каким-либо точным изложением своей мысли и которой он всего лишь как бы забавляется, возбуждая тем самым самые «нижние слои человечества».

Однако и в первом случае Ницше иногда употребляет это понятие не совсем в том ракурсе, который был задан им с самого начала, а использует его для характеристики отдельных личностей «высшего типа», уже существовавших в истории, хотя «лишь как случайность, как исключение, непреднамеренно» и наиболее полно воплотивших в себе идеал сверхчеловека. Речь в данном случае идет о так называемом «историческом сверхчеловеке» — Александр Великий, Цезарь, Август, Цезарь Борджиа, Наполеон и др. Хотя, как правило, свой идеал Ницше приурочивает все же не к отдельной человеческой единице, а к человеческому виду в целом, облекая его в биологическую оболочку и представляя как зоологический тип, на порядок выше, чем *Homo sapiens*. Такой человек будущего должен быть достигнут, согласно Ницше, путем усовершенствования, строгого отбора и сознательного воспитания новой породы людей, определенной волей к власти и для нее. По мере развития этой идеи точка зрения философа несколько видоизменяется, она как бы очищается от «зоологической примеси», которая становится только побочным аксессуаром его излюбленного идеала, явившегося на свет в результате пылкой фантазии мыслителя-вопрошателя. Ницше четко осознает тот факт, что каждый существующий вид имеет свои, строго определенные, границы, которые он просто не в силах переступить. Он пишет: «Моя проблема не в том, как завершает собою человечество последовательный ряд сменяющихся существ (человек — это конец)»². Однако при этом он все же удерживает так полюболюбившийся ему термин «сверхчеловека», переводя проблему в плоскость поисков наиболее желательного, ценного и достойного жизни человеческого типа.

Как и любой идеал, сверхчеловек Ницше возникает в качестве антипода современному культурному человеку, от «нечистого дыхания» которого философ просто задыхался. Созданный им образ отличает гармония и синтез двух начал — дионисического, с его радостным утверждением инстинктивной жажды жизни, и аполлонического, придающего этой бьющей через край жизни одухотворяющую стройность и цельность идеала. Вся эта мощная сила должна, по мысли Ницше, быть направлена на творческое стремление к новому, а сам сверхчеловек — это прежде всего творец, обладающий сильной, стремительной, «длинной волей», творец самого себя в качестве суверенной и свободной личности. К числу направленных вовне составляющих его идеала Ницше относит умение жертвовать собой, «дарящую добродетель», великодушие и безграничную жажду деятельностной любви, честность, неустрашимость, твердость, героизм и т. п. — все, что позволит сверхчеловеку придать свой, истинно человеческий смысл всему на этой земле. Как знать, может таким и остался бы идеал Ницше — удивительным сочетанием благородства и возвышенности, силы и мягкости, если бы не тот суровый жизненный фон, на котором он создавался. Ряд внешних обстоятельств и, прежде всего, резкое неприятие первой книги «Так говорил Заратустра» (1883), в которой и воплотились все эти качества его идеала, убедили мыслителя в полной тщетности его предприятия по осчастливлению людей. Отсюда совершенно иная тональность второй книги «Заратустры», как, впрочем, и всех последующих за ней работ Ницше, в которых философ самым решительным образом переосмысливает свою идею («Антихрист», 1865, «Ессе Номо», 1888 и др.). Так, постепенно, из романтического идеала человека будущего сверхчеловек превращается в своего рода пугало для современных людей, в котором на первый план выдвигается культ сильной личности, бездушно и цинично попирающей моральные нормы современного общества. Более того, подключение сюда фаталистической идеи о «вечном возврате», которую Ницше вкладывает в уста своего героя и которая должна, по его мысли, «унизить всех слабых и укрепить сильных», ибо только последние, любящие жизнь и знающие ее истинную ценность, способны вынести её вечную

повторяемость, вносит определенный диссонанс в первоначальный образ сверхчеловека. Горькая истина о вечной повторяемости всего и вся и придает высший смысл жизни как таковой, налагая огромную, почти непосильную ответственность на человека, лишая его веры в будущее свехчеловечество. Однако Ницше упорно сохраняет обе сверхзадачи своего идеала, демонстрируя тем самым полную абсурдистику и беспорядочность своих мыслей. В результате его идея сверхчеловека приобретает черты несбыточного мифа, в котором вера и надежда о человеке будущего удивительно сочетаются с отчаянными криками о тщетности таких надежд. Поэтическая мощь его языка передает это отчаяние следующими словами: «Это возбуждает ужасную жажду и, в конце концов, нечего пить».

Вслед за выполнением утверждающей части своей задачи наступает очередь негативной, непосредственно вытекающей из предыдущей, ибо на пути творчества новых ценностей Ницше столкнулся с могучим противником в лице всей морали современной ему философии. Поэтому он решает «радикальным сомнением в ценностях ниспровергнуть все оценки, чтобы очистить дорогу». Так начинается великая война Ницше за освобождение от власти духов и социальных авторитетов, вошедшая в историю культуры под броским лозунгом «переоценки бывших до сего времени ценностей». Именно эта борьба и сделала его одним из наиболее ярких певцов «европейского нигилизма». Всс, написанное после «Затарустры», и являет собой, по сути, такую «переоценку ценностей». Наибольший интерес в этом ряду представляют два крупных произведения, в которых ревизия прошлого удивительно сочетается с провидением будущего. Речь идет о работах «По ту сторону добра и зла. Прелюдии к философии будущего» (1886) и задуманной в качестве ее приложения — «К генеалогии морали» (1887), ставшей затем своеобразными прологом к первой.

Исследование философии, христианской религии и аскетической морали приводит Ницше к выводу о том, что они уводят человека от истоков подлинного существования и самой жизни. Путь, по которому в итоге пошло европейское человечество, оказался поэтому чреват рядом чудовищных последствий, предсказанных Ницше. Ему удалось гениально приоткрыть завесу европейского будущего: распад духовности, девальвацию ее ценностей, «восстание масс» с воцарением «грядущего хама», тоталитаризм с его ужасающей нивелировкой человека под флагом всеобщего равенства. Более того, именно в этих, по его словам, «ужасных, проистекающих из его души — очень черных, книгах» Ницше, по сути дела, задает тональность всем философским направлениям XX в. — и самой философии жизни с ее пророчествами о «Закате Европы», и идей таких мыслителей, как Ортега-и-Гассет, Гуссерль, Хайдеггер, Ясперс, Деррида и др., прокладывая тем самым дорогу качественно новому типу философии и нормам европейской ментальности. Важно и то, что в этих работах закладываются принципиально иные методологические и языковые парадигмы, которые получают затем колоссальную развертку в феноменологических, герменевтических и постструктуралистских изысканиях XX в., воплотивших в себе основы деструктивной феноменологии и генеалогии Ницше. Можно говорить и об огромном воздействии его культурных идеологем, а также стилистики его языка на западное культурное самосознание эпохи модерна и постмодерна, о чем свидетельствует постоянное обращение к его творчеству виднейших мыслителей XX в. М. Хайдеггера, Ж. Делеза, Р. Барта, М. Фуко, Ж. Дерриды и др.

Завершающим аккордом зрелого ницшеанства и в то же время своеобразным стержнем всей его философии стала концепция волюнтаризма, сделавшая главным принципом как самого бытия, так и его объяснения «волю к власти». Антисистематичность и антиметафизичность как характерные черты этой философии не сводятся у него, однако, к простому отказу от притязаний на целостность и полноту теоретического охвата реальности; они предполагают скорее формирование очень своеобразного типа метафизики, носящего во многом нетрадиционный и по преимуществу прикладной характер. Такой ее статус можно объяснить тем, что, во-первых, на место хрестоматийного бытия философов как основы и сущности всего существующего Ницше выдвигает «жизнь» с ее вечным движением и становлением, лишенную привычной атрибутики бытия. И, во-вторых, в основе создания такой метафизики лежит

все то же стремление основательно подкрепить ранее выдвинутый им идеал сверхчеловека, т. е. все та же титаническая жажда утверждения жизни и мощных людей, пронизывающая все разделы его философии и обуславливающая плавный переход онтологической и гносеологической ее частей опять же в плоскость морального творчества. Надо заметить, однако, что это подкрепление-обоснование не стало органически связанным с идеей сверхчеловека, более того, оно определенным образом деформировало последнюю в сторону худшего.

Итак, воля к власти становится основным принципом всего существующего. Во всех процессах, как физических, так и духовных, Ницше видит ее различные модификации, поэтому мир представляется ему в виде распадающихся на некоторые центры сил органической и неорганической жизни, соперничающих между собой. Сама жизнь, в данной трактовке, приобретает значение некоей части универсального мирового процесса, особого вида мировой энергии и потому — одного из проявлений воли к власти. Эта тенденция, просматриваемая им на всех ступенях органической жизни, приобретает постепенно вполне определенный морально-социальный пафос, особенно применительно к жизни человека, которая интерпретируется Ницше чисто виталистски. Опираясь на принцип воли к власти, философ разрабатывает и основы своей новой гносеологии как перспективистского учения об аффектах. Будучи только частью все той же жизненной силы и выражением единого жизненного принципа, человек, по Ницше, представляет собой множество «воли к власти» с множеством способов и форм их выражения, среди которых самой первой и естественнейшей выступают его аффекты-влечения, под влиянием которых он определенным образом истолковывает окружающий мир. И мышление, и познание, и разум приобретают в такой интерпретации исключительно прикладное значение — «выражения скрытых за ними аффектов» — и служат лишь повышению жизненности, схематизации и упрощению этого сложного окружающего человека мира, а не его познанию и поиску истины. Ницше и здесь осуществляет переоценку традиционных представлений об истине и заблуждении, не видя принципиальной разницы между ними, так как и то и другое носят, по его мнению, чисто служебный характер, способствуя исключительно жизнеутверждению человека. Как и все философы жизни, Ницше — иррационалист, крайне преувеличивающий элемент бессознательного, непосредственно-интуитивного в процессе познания. Разум чужд жизни, деформирует и умерщвляет ее, искажая показания органов чувств, которые, наоборот, «никогда не лгут». Только в инстинкте непосредственно выражен принцип воли к власти, поэтому физическая сторона человека оценивается им значительно выше, чем духовная. («Существуют только физические состояния, духовные — только следствия и символика».) Многие из такого рода его идей о несовершенстве человеческого организма и о человеке как «не установившемся животном» послужили исходной основой для построения чрезвычайно популярной в XX в. философской антропологии и особенно ее биологической ветви (Г. Пlessнер, А. Гелен).

Ницше оказался сегодня удивительно современен не только потому, что многие из его идей продуктивно реализуются в творчестве многих философов-профессионалов и других представителей сферы гуманитарного знания. Думается, они необычайно актуальны для всех нас, загнанных историей в тупики чудовищных испытаний и трудностей. Я имею в виду гениальную прозорливость этого мыслителя, ощутившего более ста лет назад чудовищную опасность, нависшую над человечеством, — опасность вырождения человека и гибели цивилизации. Удивительно обнадеживающе звучат сегодня его слова о том, что человек еще не исчерпал себя для достойной жизни и правого дела, что человека еще можно «взлелеять», положив конец «измельчению человеческого рода». И спасение это — в колоссальном творческом труде, проникнутом пафосом созидания всего высокого, нравственного и духовного в человеке.

¹ Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 75.

² Там же. Т. 2. С. 634.